ЮРИЙ ПОЛЯКОВ

ЛЕВИАФАН И ЛИБЕРАФАН

ДЕТЕКТОР ПАТРИОТИЗМА

Коллекция Изборского клуба

Юрий Поляков

Левиафан и Либерафан. Детектор патриотизма

«Книжный мир»
2015

Поляков Ю. М.

Левиафан и Либерафан. Детектор патриотизма /
Ю. М. Поляков — «Книжный мир», 2015 — (Коллекция Изборского клуба)

ISBN 978-5-8041-0797-1

Публицистика Юрия Полякова, так же как и его художественная проза, всегда вызывала бурный отклик читателей и явное недовольство властей. Прочтя эту книгу, вы сможете не только приобщиться к острой, неординарной мысли писателя, оценить его афористично-иронический стиль, но и убедиться в том, насколько в своих прогнозах и предвидениях автор опережает текущий момент. Кстати, используя в наших политических спорах некоторые словечки и выражения, мы даже не подозреваем, что попали они в современный русский язык из статей Юрия Полякова.Новая книга «Левиафан и Либерафан. Детектор патриотизма» – пятый публицистический сборник автора. Ей предшествовали издания «От империи лжи – к республике вранья» (1997), «Порнократия» (2000), «Россия в откате» (2008), «Лезгинка на лобном месте» (2013). В новую книгу вошли свежие публикации, но уникальна она еще и тем, что писатель являет читателям все виды своего отточенного гражданского оружия: здесь и острейшие статьи, и литературная полемика, и разящие высказывания в Фейсбуке, и сатирическая поэзия, и интервью, ставшие событиями общественной жизни. В каждом слове – тревога за будущее Отечества, жесткая отповедь «либерафанам», борьба с государственной недостаточностью и устремление к созидательному реваншу.

ISBN 978-5-8041-0797-1

© Поляков Ю. М., 2015
© Книжный мир, 2015

Содержание

Часть первая 6
Детектор патриотизма 7
Как я стал консерватором? 10
Прикол века 12
Левиафан и Либерафан 14
Немного Путина в дистиллированной воде 17
Не люблю иллюзий! 19
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Юрий Поляков
Левиафан и Либерафан.
Детектор патриотизма

Часть первая
«Детектор патриотизма»

Меня часто спрашивают: зачем поэты, прозаики, драматурги пишут статьи? Неужели они не могут свести счеты со Временем, скажем, при помощи могучей эпопеи, разительной поэмы или комедии, которую современники тут же растащат на цитаты, как олигархи растащили общенародную собственность? А ведь есть еще эпиграммы, памфлеты, антиутопии, позволяющие от души поквитаться с неудовлетворительной действительностью. Но литераторы, в том числе и автор этих строк, продолжают писать статьи. Зачем? А затем, что процесс художественного творчества долог, сложен, противоречив и непредсказуем. Да и само влияние художественного текста на общество неочевидно и ненадежно, напоминает скорее поддерживающую терапию или даже гомеопатию. А что делать, если требуется молниеносное врачебное вмешательство – тот же прямой массаж сердца? Ведь случаются события, от которых, как пелось в революционной песне, «кипит наш разум возмущенный», когда хочется отхлестать гнусную рожу действительности наотмашь, вывалить политикам, соотечественникам, самому себе все и сразу, пока не остыл, не забыл, не перекипел, ведь отходчив русский человек, непростительно отходчив…

Вот несколько статей, написанных по горячим следам. Своего рода прямой массаж нашего общего обидчивого и доверчивого сердца.

Детектор патриотизма

Позавчера в эфире «Русской службы новостей» я поделился банальной, вроде бы, мыслью: человеку, лишенному «патриотической щепетильности» (выражение Пушкина), в политике и на государственной службе делать нечего. Заниматься делом, от которого зависят судьбы граждан и даже исторические виды Державы, не будучи патриотом, примерно то же самое, что водить автобус с пассажирами, являясь дальтоником. А дальше я высказался метафорически: тех, кто наладился в политики или чиновники, надо бы проверять на детекторе: патриот или нет. Если нет, тогда идите себе в рукомесла, в бизнес, в свободные профессии, в искусства, в науки, лучше, точные…

Что тут началось! Пожалуй, такого возбуждения не наблюдалось, с тех пор, как я высказался о преждевременных половецких плясках вокруг отдаленного юбилея А. И. Солженицына. По поводу детектора патриотизма мне звонили из газет, интернет-редакций, с радио и телевидения, спрашивали ехидно, где будем проверять граждан, рвущихся к рычагам власти, – в ФСБ или ЦКБ? Какие вопросы надо задавать? Куда потом отбраковывать – в США, Израиль или сразу на Колыму? Какой моделью полиграфа станем пользоваться? Сначала я пытался объяснять, что выразился образно, но, кажется, никто уже не ждет от литератора метафор, а только инструкций по применению. Тогда я тоже включился в игру, даже предложил некоторые вопросы для тестирования:

– О каком из трех ваших гражданств вы вспоминаете с большей теплотой?

– Какой из ваших видов на жительство кажется вам завиднее прочих?

– Какие определения вам хочется поставить к слову «Россия» (немытая, убогая, обильная, бессильная, святая, путинская). Ненужное зачеркнуть.

Ну, и так далее.

Любопытная деталь: почти все журналисты решили, что проверять нужно на полиграфе депутатов, хотя как раз о народных избранниках я ничего и не говорил. Ну, понятно: как лишний раз не лягнуть «подкремлевскую» Думу! Что для нашей вольной прессы электоральная воля? Наш демократ, он через танковый прицел парламент видал, хотя выборы – это ведь какой-никакой, а тоже детектор. А вот назначенец – совсем другое дело. Иной раз прочитаешь в газете какую-нибудь кадровую новость, и возникает подозрение, что от безлюдья у нас на госслужбу стали призывать увечных, в основном с ушибами головы.

Заслышав про детектор патриотизма, гормональные либералы, конечно, сразу обвинили меня в мракобесии, к чему я давно привык. Они странные, вообще-то, люди: считают, что вслух говорить о любви к родине неприлично. Зато орать о нелюбви к ней же – прилично и даже признак интеллигентности. Что тут скажешь? У каждого младенца – своя колыбельная…

Но давайте задумаемся, а так ли безумна сама идея в принципе? Конечно, если бы в 91-м в нашей стране пришли к власти нормальные люди, а не стажеры-западники, и проводили бы они политику в интересах народа, наращивая благосостояние и мощь Отечества, то меня можно было бы заподозрить в мнительности, даже в ведьмоискательстве. Но, увы, правил-то нами, если не забыли, «личный друг Билла», сдававший государственные интересы, как пустые бутылки, по гривеннику штука. А ежели мы набросаем список людей, руливших тогда нашей политикой, экономикой, информацией, культурой, то обнаружим: многие из них, завершив вольно или невольно карьеру, отбыли на постоянное или преимущественное жительство за рубеж: в Америку, Германию, Испанию, Чехию, Францию, Израиль, Англию, даже в Восточную Азию… Взойдя на борт лондонского авиарейса, испытываешь иной раз такое чувство, будто угодил на заседание клуба ветеранов ваучерной приватизации и межрегиональной группы.

Плохо это? Вроде бы, и нет. Мы живем в свободной стране, и каждый решает сам, где, под какими пальмами, коротать обеспеченную старость в окружении юных жен и благодарных

внуков. Но с другой стороны, мне как-то с трудом верится в то, что человек, мечтающий остаток дней провести вдали от непредсказуемой своей родины, будет по-настоящему работать на нее и соотечественников в «вахтовый», так сказать, период жизни. Муж, решивший бросить семью, не начинает ремонт и не вбивает гвоздик для картины «Свадьба в колхозе-миллионере». Так уж устроена жизнь: за собственную обеспеченную старость слишком часто расплачиваются чужой обездоленностью.

Как разрешить это противоречие? Можно – никак не разрешать. Мол, время разберется и все поставит на места. Ой, ли! В Москве до сих пор нет улицы зачинателя нашей Державы Ивана Калиты, а проспект термоядерного гуманиста Андрея Сахарова есть. Оставив все, как есть, мы обречены вновь и вновь получать бесконечных сахалинских хорошаевых со складированными брегетами, подмосковных кузнецовых с контейнерами украденных денег, всемирных березовских с их шахер-махерами в конфликтных регионах. Беспокойный покойник, если запамятовали, был вторым человеком в Совете безопасности РФ. Покажите мне британского олигарха, удавившегося на шарфике в своем поместье в Горках-10? Не покажете!

Нет, друзья, нам никак не обойтись без «национализации элиты». Другого пути не существует. Кстати, именно этот вопрос перед войной и решал Сталин с помощью революционной законности. Никто не спорит, законы были до ужаса суровые, почти беззаконные. А вот почему нынешние законы, применяемые к насвинячившим випам, до смешного, до нелепости мягкие, а? В день, когда амнистировали Сердюкова, у многих российских казнокрутов были именины сердца. Кстати, генерала Власова тоже можно было просто оштрафовать. Платил бы до сих пор…

Но вернемся к детектору патриотизма. Обретя Крым, мы столкнулись не только с внешними санкциями, с рыком западного Левиафана и гавканьем болонок, ранее бегавших в советских ошейниках. Мы столкнулись с более серьезным вызовом, консолидацией внутренних интернационал-прагматиков и бизнес-гедонистов, которым понятна только личная выгода. Ради земли обитания, исправления геополитических косяков, ради судьбы отторгнутых соотечественников они не пожертвуют даже граммом пармской ветчины, не говоря уже о хорошей серфинговой волне. Тот, кто в 93-м сочился счастьем, когда танки лупили по парламенту, теперь из-за порушенного Будапештского меморандума, страдает как девушка, лишившаяся сразу всех своих невинностей. И такие страдальцы встречаются не только на «гражданской платформе» или на концертах Макаревича, но и повыше. Мне так кажется. И вот вопрос: не отвлекает ли это страдание государственных мужей от работы, не уводит ли разум возмущенный от интересов Отечества и компатриотов? Ведь, воля ваша, когда недавно, не щадя валютных запасов, укрепляли рубль, явно перепутали «виагру» со слабительным…

А теперь позволю себе цитату:

«Да, время лозунга „Баллистическую ракету – в землю!“ закончилось. Наступает время лозунга „Демократическое Отечество в опасности!“… Укрепившейся новой власти теперь до зарезу понадобится возрождение патриотического чувства, которое и делает, собственно, население народом и заставляет людей терпеть то, что без любви никто терпеть не станет… Кто будет разрабатывать и внедрять новую концепцию патриотизма – те же люди, что изничтожили старую, или посовестятся и призовут новых людей, не запятнанных? Не знаю, хотя, увы, догадываюсь. Одно я знаю твердо. Мы с вами, соотечественники, живем в канун патриотического бума…»

Это цитата из моей давней статьи «Россия накануне патриотического бума», опубликованной в «Комсомольской правде» в декабре 1993 года. Как видите, я замшелый патриот с допутинским стажем и писал о неизбежности возвращения державного сознания в общество задолго до отмашки. Тогда мне тоже звонили из СМИ и спрашивали, в уме ли я, ведь слово «патриот» употребляется теперь только в ироническом смысле и скоро совсем исчезнет из словаря. Но прошло время, кремлевские орлы, скрипнув, как флюгеры под ветром Истории,

повернулись, и была даже принята недешевая программа патриотического воспитания. Первыми уловили отмашку псевдонимные наши литераторы. Правда, ударившись из либерального ерничанья в патриотическую риторику, они стали похожи на зубных врачей, сменивших бормашины на отбойные молотки. Да и у режиссеров, которые с чернухи спешно переориентировались на духоподъемное кино, странные ленты выходят. Что-то вроде панорамы Ледового побоища, где почему-то больше сочувствуешь псам-рыцарям, а не русским. Недавно посмотрел наш фильм про Смерш. Ну, и дела! Прокрутили бы такую «фильму» перед войной – и вся советская молодежь в Абвер сразу бы записалась. Интересно, сколько заморских вилл построено за деньги, списанные на возрождение патриотизма? Посчитать бы…

Что же касается проверки элиты на патриотизм, то решать, конечно, не мне. Но очень бы не хотелось в будущем, прилетев из уютного Московского княжества куда-нибудь за рубеж (если пустят и на билет хватит), встретить там, на заслуженном отдыхе тех, от кого некогда зависела судьба огромной, но не уцелевшей России. (А как по цветным схемам разваливают страны, знаем, проходили и сейчас наблюдаем на Украине. Слава Богу и предкам, мы государство с историческим стержнем, с могучей традицией, у нас главное зависит от венценосца, а не от бояр и думских дьяков с вкладами в швейцарских банках.

Но свита не только играет короля, она его, увы, еще и проигрывает…

2015

Как я стал консерватором?

Вопрос, конечно, почти мемуарный: чтобы ответить, придется вспоминать. Например, о том, что во времена моего ученья слово «консерватизм» воспринималось почти как мракобесие. Нас убеждали: это нечто затхлое, безнадежно тормозящее неизбежное движение вперед. Советское воспитание, как, впрочем, и передовое дореволюционное просвещение, было позитивистским, внушавшим безусловную веру в прогресс, в то, что сегодняшний день обязательно лучше вчерашнего, а завтрашний будет лучше, чем сегодняшний. Для воспитания активного преобразователя жизни установка неплохая, а вот как быть с сохранением достигнутого предшественниками? И кто будет решать, что отжило, а что можно взять с собой в будущее? Но в ту пору о подобных «заморочках» я как-то не задумывался.

Позитивистская иллюзия стала рассеиваться у меня в конце 80-х, благодаря «перестройке» и «ускорению». Я вдруг обнаружил: то новое, что навязывается взамен «обветшавшим, застойным формам», совсем не лучше, а часто хуже прежнего жизнеустройства. Будучи редактором газеты «Московский литератор», я близко наблюдал Ельцина и его команду, вломившихся в московскую власть. К своему удивлению, я обнаружил, что как руководители они оказались гораздо слабее своих предшественников. Примерно то же самое стало происходить и в нашей писательской среде. Прежде говорили, что у нас засилье так называемых «литературных генералов», «брежневских любимчиков». Но пришли новые люди и оказались как писатели гораздо бледнее, а как организаторы – просто ничтожны. Именно с них началась деградация литературного процесса, закончившаяся ныне крахом. Под мантры о ветрах обновления начался самый настоящий регресс.

Люди горбачевского призыва начали все ломать и менять не потому, что у них был план преобразования страны, а потому, что они, как и я, были воспитаны в ложном убеждении, что новое лучше старого лишь потому, что оно новое. Эффектность была важнее эффективности. Я не идеализирую советских руководителей, они с опаской воспринимали новизну, но это было осложнение от прививки революционного погрома под лозунгом «до основанья, а затем…». Те, кто жаждал «до основанья», были уничтожены, а уцелевшим досталось «а затем». Я тоже формировался в эпоху «а затем».

Консерватором я стал, осознав, что новизна бывает обогащающей и обедняющей. Новизна нужна только тогда, когда она что-то добавляет к сделанному в прошлом, в противном случае она разрушительна, ведь сделать хуже, чем было, тоже новизна. Но кому она такая нужна? Взять тот же комсомол. Были у него недостатки? Множество, об этом моя повесть «ЧП районного масштаба». А сейчас у нас вообще нет настоящей молодежной организации, да в сущности, и молодежной политики нет. Ново? Ново. Лучше стало? Хуже… Зачем отказались от того, что работало и давало результат?

Мои консервативные убеждения стали формироваться во время «перестройки». Потом пришли 90-е, и я понял, худшие мои предчувствия сбылись. К тому времени я был уже в жесткой оппозиции к тому, что делали в стране либералы. Они вообще странные ребята. Я задавал своим либеральным коллегам вопрос: «Октябрьская революция – зло или благо?» – «Безусловное зло!» – отвечают. «А почему же тогда вы ни слова не говорите о тех русских консервативных мыслителях, которые пытались противостоять надвигающейся катастрофе?» «Например?» «Катков, Суворин, Меньшиков…» «Ну, ты сказал! Они же мракобесы…» Странно? Нет, нормальная позиция для тех, кто является историческим наследником разрушителей Российской империи.

Сейчас мы в сложной ситуации. Либералы-западники чрезвычайно влиятельны в нашей элите, хотя большинство из них ныне рядятся в патриотические кафтаны, ибо большинство настроено консервативно-почвеннически. Надеясь на задрапированных либералов, власть в

решающий момент рискует опереться на пропасть. Когда я пишу эти строки, по телевизору показывают 6-й экономический гайдаровский форум. Почему бы тогда не провести геростратовский градостроительный съезд? То же самое… Зачем эти игры с увековечиванием накосячивших завлабов? Для Запада! Думаете, оценит? Ну-ну…

Президент на новогоднем приеме высказал важную мысль, не попавшую почему-то в СМИ. По его мнению, сегодня наша страна подобна рыбе, насаженной на кукан. Когда мы все делаем, по мнению Запада, правильно, нам позволяют как бы свободно плавать в воде – на леске. Но как только мы проявляем самостоятельность и вольнодумие, кукан вынимают из воды и диктуют, как надо себя вести в однополярном мире. Президент сказал: наша задача – с этого кукана соскочить. Очень трудно, но необходимо. Либералы-западники нас на этот кукан насадили, освободиться можно, только опираясь на национально-консервативную традицию.

А по телевизору показывают гайдаровский форум… Странные времена!

2014

Прикол века

Казимир Малевич с оружием в руках сражался на баррикадах русской революции, даже немного покомиссарил, и его «Черный квадрат» чем-то подобен залпу «Авроры», открывшему новую эру в истории человечества. Правда, поговаривают, залпа не было, но эра-то была! Называлась она «диктатурой пролетариата», потом – социализмом. То же и с «ЧК». Теперь уже почти неважно, имеем мы дело с тупиковым живописным любомудрием, или же для прикола на выставке в «красном углу» вывесили по-черному загрунтованный холст. Возможно и то, и другое в одном флаконе: в те годы профетические дурачества были в моде.

Тем не менее чествуемое ныне произведение стало символом новой эры в искусстве – с ее суровой диктатурой новизны, когда сделать иначе – важнее, чем сделать лучше, когда талант выражается не через мастерство, а через скандал и попрание признанной нормы. Разумеется, и прежде в искусстве без плодотворного скандала не обходилось, но после «ЧК» скандал стал обходиться без искусства. Главное, как твердил один из мелких «квадралевичей» Пригов, – любой ценой попасть в музей, в каталог, а там обоснуют.

На то есть искусствоведы: раньше они шумно бранились, что сталевар в центре триптиха недостаточно мускулист, а это выдает в живописце небрежение рабочим классом. Теперь стаями летают по черному космосу Малевича – с конференции на конференцию за счет принимающей стороны. Конечно, с тем, что «ЧК» – мировой бренд, не поспоришь: диссертациями и монографиями можно Керченский пролив замостить. Но планетарное признание, увы, мало о чем говорит. Вон черный президент США – лауреат Нобелевской премии мира. И что? Ничего. Где американцы – там и стреляют.

Еще современники обратили внимание на одну занятную параллель: в домах правоверных иудеев на стене рисовали темный квадрат или оставляли незакрашенный прямоугольник, чтобы, глядя на него, еврейская душа не забывала плакать о разрушенном Иерусалимском храме. О чем же нам надо помнить при виде шедевра Малевича? Наверное, о том, к чему ведет агрессивная, обедняющая новизна, а ведет она к разрушению плодотворной традиции, обесчеловечиванию искусства, которое становится вроде шахидки, спрятавшей бомбу там, где обычные женщины вынашивают плод.

А еще «ЧК» чем-то напоминает QR-коды, которые, в свою очередь, похожи на кроссворды и налеплены теперь повсюду: сканировал и получил доступ к обширной информации по интересующему вопросу. Да, сложилось так, что «Черный квадрат» стал как бы кодом доступа к неразрешимым спорам о смысле творчества и тайне мироздания, а главное – ко всей предыдущей богатейшей истории искусств, ведь когда поставлена точка, даже по оплошности, хочется перечитать написанное. Знаковая картина Малевича – вроде темного экрана телевизора, который можно включить и увидеть все-все: от фаюмского портрета до «Девочки с персиками». А если нельзя включить, если «Черный квадрат» – это просто черный квадрат, то и говорить не о чем.

Но в юбилей хочется оптимизма. И в целом следует гордиться нашим соотечественником Казимиром Севериновичем Малевичем, ведь он развел все прогрессивное человечество не слабее, чем Ленин отомстил за брата!

P.S.

Когда я слышу, как искусствоведы возводят «Черный квадрат» к черной материи Вселенной или восхищаются его эсхатологической амбивалентностью, мне вспоминается почему-то сказка о новом платье короля. Хитрая челядь, видя перед собой мохнатые чресла повелителя, нахваливала фасон, бархат, кружева и золотое шитье. Профессия обязывает. Но для меня

живопись – это изображающее искусство, а не рассуждения про окончательное решение фигуративного вопроса. И если художник пошел пятнами, это еще не значит, что он пуантилист.

Простой, как говорится, народ не обманешь. В моей давней пьесе «Халам бунду» один персонаж, новый русский, кичится тем, что в его офисе висит «Малый черный квадрат» Малевича, а потом вынужден сознаться: «Это подделка, правда, очень хорошая!» В ответ другой персонаж, старый советский профессор, замечает: «Малевича плохо подделать невозможно». Говорит он это под неизменный хохот зала, где бы ни шла пьеса. Понимаю: после всего сказанного я прослыву как минимум невеждой. Но лучше ходить в невеждах, чем остаться в дураках.

Впрочем, «Черный квадрат» иногда необходим: сквозь него хорошо смотреть на актуальное искусство. Всем советую!

2015

Левиафан и Либерафан

Становлюсь «историческим» человеком. Не успели утихнуть страсти по «детектору патриотизма», о необходимости которого я образно обмолвился в эфире, как грянула история с худсоветами. И на меня вновь ощерился отечественный Либерафан – извечный враг Левиафана. Либерафан, кстати, вовсе не золотая рыбка, исполняющая общечеловеческие желания, а тоже чудище «обло, озорно, стозевно»: за нашу и вашу свободу в клочья порвет.

Дело было так. Общественная палата затеяла круглый стол «Театр и общество», навеянный, конечно, скандалом с «Тангейзером». Выступая там, я, помимо прочего, вспомнив о пользе советских худсоветов, предложил создать при Министерстве культуры «конфликтный худсовет» – КХС. Что-то вроде МЧС, но только в сфере искусства. У вас беда? Тогда мы летим к вам. Или идем, если беда, скажем, в московском драматическом театре им. Станиславского, измученном электричеством. Всероссийской свары в Новосибирске можно было избежать, если бы вовремя вмешалась группа товарищей, «неглупых и чутких», представляющих разные «тренды» отечественной культуры, но озабоченных ее процветанием. Однако помощь пришла поздно, да еще в виде православных протестантов, и Москва стала прирастать Сибирью. Вот уже и свиная голова опасно улыбается на пороге МХТ им. Чехова, предостерегая Олега Табакова, что из доставшейся ему половины Художественного театра не следует устраивать кунсткамеру с заспиртованными богомолами.

И вот, едва я заговорил о худсоветах, поднялся шум. Реакция была такая, словно я предложил прилепить на грудь нашему двуглавому орлу серп и молот. Не меньше! Гнев изрыгали и театральные брехтазавры, хранящие на заслуженной чешуе рваные раны от проклятого совка. Сердилась и СМИ-шная молодь, для которой Перестройка – седая древность. Почему такая реакция? Какой плавник коллективного Либерафана я ненароком задел? Давайте разбираться. И начнем с «Тангейзера». Всем хочется придумать что-то новое. Кулибин, например, изобретал. Кулябин изгаляется. Сам признался в интервью: взыскуя славы и просчитывая будущий эпатаж, он колебался между Холокостом и Христианством. Выбрав второе, режиссер не ошибся, в противном случае, не доводя дело до премьеры, его просто тихо смахнули бы в творческое небытие как таракана, забежавшего на праздничный стол. Режиссера лишить профессии гораздо легче, чем, например, писателя или живописца. Он без театра, как генерал без рядовых. Постановщику для самовыражения нужно слишком много, прежде всего – деньги. А деньги в России дает государство и режиссерам, и олигархам.

Иные спрашивают: а в чем, собственно, преступление молодого постановщика, за которое наказали директора театра? В богоборчестве? Но сложные, противоречивые отношения искусства и религии теряются в веках. Кстати, Вагнер, будучи христианином, уносился гением в пучины германского племенного язычества, предвосхищая наступательную мистику Третьего рейха, за что его музыку в некоторых странах даже не исполняют, а 200-летие композитора отметили, в том числе и в России, словно извиняясь. Наша газета – редкое исключение. Но если мы однозначно встанем на сторону клира, то куда денем лицейский «афеизм» Пушкина, антипоповские выходки молодого Есенина, лефовское безбожие Маяковского? Впрочем, одно дело – искреннее, мятежное, заложенное, видимо, в генезис таланта богоборчество, которое художник сам преодолевает, если доживет. И совсем другое дело, когда богохульство – расчетливый продюсерский ход. Если хотите, кощунство и святотатство – это шпанская мушка и виагра современного искусства. По-другому не получается…

Если кто-то думает, что найти «смелый ракурс» для рекламной заманухи безумно трудно, то он сильно ошибается. Вот вам навскидку «версия», в отличие от Кулябинской вытекающая из замысла Вагнера, а он был не только композитором, но поэтом, лично сочиняя либретто, выверяя каждое слово. Помните, Тангейзер за свои венерические грехи так и не вымо-

лил пощады у Папы Римского, видимо, индульгенции на тот момент кончились. Понтифик, явно в насмешку, сказал, что прощение грешный рыцарь получит, когда расцветет и прорастет папский посох. То есть, никогда. Как известно, посох, жезл – это традиционные замещающие фаллические символы. Справьтесь у Фрейда или ближайшего сексолога. Теперь вообразите, в финале оперы на сцену выходит сам Папа Римский с расцветшим замещающим символом. Ну, и как вам? Учитывая нынешнее недружелюбие Польши, понтифику можно придать внешнее сходство с Иоанном-Павлом (Войтылой). Думаю, скандал из Новосибирска через Москву перекинется в Брюссель. А дальше переговоры в Минске под эгидой Лукашенко. Баш на баш: вы снимаете санкции, а мы – «Тангейзера». Вот это скандал!

Стремление оскорбить чувства верующих не новость. Возможно, и моя «версия» покажется кому-то непростительной дерзостью. Кстати, в дневнике Е.С. Булгаковой есть характерная запись. Михаил Афанасьевич вернулся из редакции, кажется, «Безбожника» мрачным и сказал с возмущением: «Тому, что они там вытворяют, прощения нет!» Сын киевского священника сам вынашивал «роман про Понтия Пилата». (Это тогда-то!) И его возмущало не вторжение писателей в мир веры, но прагматическое кощунство атеистов на зарплате. Либерафан в ту пору разгулялся: рушили храмы, казнили священников, в основном православных, хотя досталось всем конфессиям, даже тем, что активно помогали революции. Кстати, тема у нас почти табуированная…

Однако проходит совсем немного времени, и Таиров губит себя, поставив злополучных «Богатырей» на либретто вредного мужика Демьяна Бедного. Спрашивается, а что такого натворил «Камерный театр»? Ну, подумаешь, князь Владимир напился с дружиной и в пьяном угаре крестил Русь. Делов-то! Пустяки в сравнении с мощами, вытряхнутыми из рак. Абсолютно в русле антирелигиозной пропаганды. Но к тому времени Левиафан вновь пересилил Либерафана, предчувствуя, что скоро война, и плавать придется в море крови, а без исторической памяти и веры это затруднительно.

Кстати, язвительный Булгаков символически сквитался-таки со своими театральными антиподами, походя заметив, что Мейерхольд погиб во время репетиции под обрушившейся трапецией с голыми боярами. Каково! Автор «Багрового острова» был против эксперимента? Ничуть. Тут что-то другое. Мастер понимал: традиция – это историческое сложение усилий многих талантов, от нее нужно отталкиваться, а не попирать в спесивой гегемонии. Кстати, он оказался провидцем. Трапеции рухнули и погребли многих.

В чем же суть нынешнего конфликта? Почему общество лихорадит то от гельмановских пакостей, вроде выставки «Осторожно, религия!», то от кривляний «Пуси райот» у алтаря, то от занудных непотребств Богомолова? А теперь вот и Тим Кулябин поместил Спасителя в венерический лупанарий. «Художник на все право имеет! Потомки разберутся!» – воскликнет редактор журнала «Театр» Марина Давыдова, которую от комиссарши гражданской войны отличает разве что отсутствие маузера на ремне. Да, имеет. Причем такое же, как и граждане, протестующие, что их налоги идут на оскорбительные выдумки и экспериментальный вздор. Лучше поможем детям Донбасса!

Но не все так просто. Проблема куда глубже. В лаборатории можно все. Как известно, профессор Преображенский, не интересовавшийся судьбой детей Германии, в домашних условиях превратил собаку в человека, но увидав, как Шариков пошел во власть, вернул его в первобытно-четвероногое состояние. Испугался. Кстати, замечательный режиссер-коммунист В. Бортко в классической экранизации «Собачьего сердца» добавил, по-моему, важную деталь: решение «дегуманизировать» уполномоченного по очистке приходит, когда тот появляется на трибуне в киноновостях. Ныне тотальный охват и молниеносная отзывчивость информационного пространства таковы, что любые лабораторные монстры, големы и косяки, выскочив из булькающей реторты, поражают общественное сознание. Часто необратимо. Достаточно вспомнить «бандеризацию» Украины.

Как примирить право художника на самовыражение с правом людей не страдать, попав в информационно-культурное пространство, засоренное отходами фобий и умопомрачений? Не включать телевизор, не ходить в театр? Тогда давайте и голодать, ведь в колбасе попадаются крысиные хвостики! Лично я не хочу, чтобы мой внук, придя на «Евгения Онегина», скажем, в Театр имени Вахтангова, увидел, как актер, декламируя: «Татьяна, русская душою», указывает пальцем на свой замещающий жезл. Видимо, господин Туминас полагает, что русская душа расположена не там, где литовская.

И вот еще проблема, которую я пытался поднимать, когда вел передачу «Контекст» на «Культуре», вызывая глухое недовольство приглашенных экспертов и бессильное сочувствие руководства канала. Чтобы понять степень новизны, зритель должен иметь хотя бы представление о норме, об «исходнике», с которого начинается чреда интерпретаций. Ведь согласитесь, по сравнению с Гамлетом-копрофагом Гамлет-гей – это вроде как и норма. Когда-то я был учителем-словесником, не могу даже сообразить, куда бы сегодня можно повести учеников, чтобы они увидели на сцене «исходник». ТЮЗы давно превратились в зоны рискованного, если не болезненного самовыражения худруков. Но внутренняя ориентация на норму необходима. Неслучайно психиатры частенько повреждаются в уме. Почему? Да потому, что больше общаются с ненормальными, чем со здоровыми. В такую же ситуацию зачастую поставлен нынешний зритель и читатель. Берешь в руки «большую книгу», и, кажется, читаешь историю болезни, позаимствованную из психдиспансера.

Ну ладно, в Москве еще есть места. Но наш Либерафан активно мечет икру во все пределы Отечества. Что прикажете делать, если в единственный облдрамтеатр присылают пестуна Золотой маски (так случилось в Пскове), и тот выгоняет на сцену полуголых пионерок читать дурными голосами «Графа Нулина»? Что остается пока еще нормальным губернским гражданам, желающим вырастить нормальных детей? Взять штурмом театр и повесить потерявшего меру новатора на колосниках, как на рее? Успокойтесь, пошутил…

Вот для подобных конфликтных ситуаций я и предложил создать КХС, чтобы в спор вступала третья сторона, безусловные авторитеты, к мнению которых прислушаются. Другого выхода нет. Театральная критика давно превратилась в приживалку при Золотой маске. А Минкульт традиционно воспринимается творческой интеллигенцией как щупальце Левиафана. Кстати, худсовет быстрого реагирования не обязательно должен в конфликте вставать лишь на сторону возмущенных традиционалистов, которые тоже ошибаются. В случае, если дерзость художественно оправданна и не является кощунством, КХС защитит экспериментатора, сказав «фу!» Левиафану.

Впрочем, конфликт между Левиафаном и Либерафаном вечен, в нем заложено неразрешимое противоречие между теми, кто хочет неведомо-нового, и теми, кому достаточно обжитого старого. Все, что мы имеем, результат компромисса. Если Левиафан и Либерафан не договариваются, они гибнут. При этом каждый думает, что победил.

2015

Немного Путина в дистиллированной воде

Садясь смотреть разрекламированный до оскомины телефильм Саиды Медведевой «Президент» (к 15-летию пребывания в Кремле Владимира Путина), я чувствовал себя фанатом, попавшим на долгожданный матч с любимым форвардом. Выключал же «ящик» я с таким чувством, будто вместо первачей на поле вышел третий состав, и били они мимо ворот.

Нельзя сказать, что эта долгая лента вызвала полное разочарование. Мяч-то катали. Интересен и эмоционален был президент, но ничего такого, чего мы раньше от него не слышали, он не сказал. И это понятно: если президент говорит нечто совершенно новое – это поворот в государственной политике. Как с Крымом…

Запомнилась драматическая хроника пребывания начинающего президента в Дагестане, когда он, сказав тост, поставил стакан: «Мы обязательно с вами выпьем, но после». Сильный жест! Стране и армии был подан знак, что эпоха похмельной безответственности закончилась навсегда. А Путин в Северодвинске перед детьми и вдовами погибших моряков! Такого сострадания на лице человека, облеченного высшей, еще не привычной властью, мы не видели прежде никогда! Еще свежа была в памяти одутловатая физиономия предшественника, измученного излишествами, приведшими к государственной недостаточности. На телеэкране перед нами прошли 15 лет, вместившие многое: и борьбу с олигархами, и войну в Чечне, и экономические кризисы, и боевые действия в Южной Осетии, и Олимпийские игры в Сочи, и воссоединение с Крымом, и санкции, и натиск объединенного Запада… Когда всё это в концентрированном виде идёт с экрана, сравнение президента с рабом на галерах не кажется шуточным. Безусловно, интересны были и ответы нынешнего, умудренного, даже угнетенного властью Путина на жёсткие, умные вопросы Владимира Соловьёва…

Но Путина в фильме оказалось до обидного мало. Зато много других достойных людей, которые говорят в кадре больше президента, не сказав практически ничего. Что прибавили к нашему знанию Алексей Миллер, Герман Греф, Олег Дерипаска и Владимир Потанин? Ничего. Так рассуждают о погоде, поедая устриц. Конечно, о начальнике говорить нелегко: и перельстить нельзя и недольстить тоже. А телеэкран – тот же детектор лжи: неискренность сразу видна, как некачественный силикон у топ-модели. Когда в кадр вошёл Алексей Кудрин, появилась надежда на конфликт, необходимый всякому фильму, даже верноподданному. Ведь этот человек сознательно покинул ряды соратников президента. И что? Ничего нового. Кудрин только хмуростью финансового пессимиста отличался от остальных, добавив свою ложку незамутненной жидкости в бочку дистиллированной воды. К бывшему руководителю ФСБ Николаю Патрушеву вообще никаких вопросов нет. Люди его профессии появляются в кадре для того, чтобы хранить государственные секреты. А вот пресс-секретарь президента Дмитрий Песков мог бы и пооткровенничать слегка, гуманитарий все-таки, ну, хотя бы про крепкое рукопожатие, как его предшественник, рассказать. Но нет, и его слова были полны конспиративной тоски.

Еще одно разочарование – редактор журнала «Пионер» Андрей Колесников. Когда репортер, известный своей ядовитой иронией, на глазах превращается в комплиментарного мемуариста, испытываешь сострадание, заодно прикидывая в уме цену преображения. Новая надежда забрезжила, когда на экране возникла брутальная бритоголовость видного писателя Захара Прилепина. Тут ситуация обратная кудринской: бывший «лимоно-болотник» встал под президентский штандарт. Однако, как и положено литератору, говорил он больше о себе, демонстрируя полную автономию сознания и речевого потока. Почему его классовая неприязнь к Кремлю сменилась бурной лояльностью, спонтанно или согласно проекту, мы так и не узнали…

А вот Нурсултан Назарбаев рассказывал о собрате по властной доле живо и душевно. Видимо, президенту о президенте говорить проще, иерархический пиетет не душит. К тому же, с галеры, плывущей рядом, чужие весла и цепи виднее…

2015

Не люблю иллюзий!

Сначала цитата («Новая газета», № 51 от 20 мая 2015 г.):

Главред «Литгазеты» обвинил Шаламова в гитлеровской агитации

Речь идет о грубых инсинуациях, которые со странным упорством распространяет главный редактор «Литературной газеты», он же – «просвещенный консерватор», неутомимый искатель «врагов Отечества» Юрий Поляков.

Тех, кто смотрел 10 мая программу ТВЦ «Право знать!» о проблемах патриотизма с его участием, не могла не шокировать тирада Полякова:

«…Фигуры умолчания – это в основном оружие тех самых либералов, которые нас начинают упрекать в том, что мы не говорим всю правду. И вот у меня был спор: а что же вы не говорите о Варламе Шаламове, которому во время войны добавили третий срок. А за что добавили? За то, что Шаламов в заключении агитировал за победу Гитлера. Он считал, что победить Сталина можно тогда, когда Гитлер оккупирует Советский Союз… Так правду-то они (либералы) не договаривают».

Это не обмолвка писателя-патриота. Это, как выясняется, его давно обкатанная домашняя заготовка и даже своего рода конек. Примерно то же самое он говорил двумя неделями раньше, 27 апреля, в интервью «Вечерней Москве»:

«…Не обижайтесь, но Варламу Шаламову добавили срок за то, что он в заключении агитировал за победу Гитлера. К сожалению. Это опубликовано и, увы, документально подтверждено: он уверял, что Сталина можно одолеть только с помощью немцев. Кстати, автора «Колымских рассказов» арестовали как члена подпольной троцкистской организации. Это не умаляет его большой талант, но объясняет жестокую его судьбу».

И предыстория всего этого нашлась в Сети: еще в 2013 году, выступая на заседании известного Изборского клуба, Ю. Поляков твердил про то, что «Шаламов был арестован за то, что был троцкистом, а во время заключения агитировал за Гитлера».

Досье на тему «Поляков против Шаламова», таким образом, сформировано, и можно понять, что изобретатель «детектора патриотизма» давно присмотрел себе жертву и без устали эксплуатирует ее в своих целях…

Когда натыкаешься на абсурд – ни ахи, ни другие междометия не помогают. И даже апелляции к медицине кажутся слабоватыми аргументами: психическое здоровье редактора «Литературной газеты», судя по его вальяжному экранному виду, сомнений не вызывает.

Все, думается, проще: Поляков настолько вошел в патриотический раж, что не замечает, что одновременно впал и в воспетый им самим «апофигей». А эта штука (от комсомольско-молодежного «все по фигу» – в его апофеозе) связана не только с потерей неких нравственных ориентиров, но и чувства реальности.

Но давайте по документам.

Колымское следственное дело Шаламова № 125856 было впервые опубликовано в 2004 году – его нашли в архивах ФСБ, а ныне оно находится в свободном доступе. Как оказалось, рассказ Шаламова «Мой процесс» не на 100, а даже на 200 процентов совпадает с материалами дела – с тем, как упорно и настойчиво «шили», «клеили» ему «восхваление Гитлера» и другое (до «шпионства в пользу Японии», к счастью, не дошло) его соседи по бараку, некто Кривицкий и некто Заславский. Один из них являлся, между прочим, бывшим членом ВКП(б), другой – бывшим членом ВЛКСМ.

Ю. Поляков доверился показаниям лжесвидетелей-доносчиков. Видимо, писатель пробежал в свое время бегло следственное дело Шаламова. Но считать показания стукачей – правдой, а юридистику сталинской эпохи – вершиной правосудия, способны только люди с особыми наклонностями, свято верящие в мудрые усы Иосифа Виссарионовича. По крайней мере, очевидно, что Поляков не удосужился прочесть дело № 125856 до конца. Ибо в нем есть и определение Военной коллегии Верховного суда СССР от 18 июля 1956 года, которое сняло с Шаламова все обвинения и тем самым реабилитировало его.

Так что цена показаний Кривицкого – Заславского, а с ними и Полякова – ни гроша не стоит.

Навет о «восхвалениях Гитлера» смыт с Шаламова еще 50 лет назад. А навет о «троцкизме» позже – лишь в 2000-м, когда он был официально реабилитирован по первому делу 1929 года об участии в антисталинской оппозиции. Сегодня об этом знает каждый читатель, хоть немного интересующийся Шаламовым и заглядывающий в ту же «Википедию».

По какой же графе образования-просвещения числить воинственного редактора «Литературной газеты»? ЦПШ – Центральной партийной или церковно-приходской школы? Такие ассоциации возникали уже не раз, и они вполне в духе наследников Ивана Бездомного, не интересовавшихся ни биномом Ньютона, ни энциклопедией Брокгауза и Ефрона (заменявшей тогда «Википедию»); им ныне, к сожалению, доверена роль предводителей главного литературного органа страны.

Валерий ЕСИПОВ специально для «Новой»

К «Новой газете» у меня никаких вопросов. Гормональный либерализм давно лишил её объективности, разборчивости и профессиональной щепетильности. Но с автором инвективы придётся спорить, хоть и не следовало бы: он из тех, кто сначала придумывает себе идиота-оппонента, а потом с блеском громит врага «в полемике журнальной». Но не хочется хорошего русского писателя отдавать на откуп истерическому литературоведению. Если бы мои, в самом деле весьма субъективные, соображения о трагической судьбе большого художника Варлама Шаламова освистал, скажем, известный футболист Валерий Есипов, я бы ещё понял: у человека просто другая профессия. Но когда вроде бы специалист-историк Валерий Есипов бранится как воинствующий гуманист с незаконченным общечеловеческим образованием, ей-богу, даже неловко отвечать. Однако положение обязывает…

Оставим на совести моего зоила утверждения, что я впал в воспетый мной же «апофигей». (Моя повесть, кстати, называется «Апофегей».) Пропустим мимо ушей поседелую остроту про ЦПШ и ВПШ. Не знаю, как в церковно-приходских школах, не застал, а в Высшей партийной школе учили куда лучше, нежели в нынешней Высшей школе экономики. Впрочем, сам я окончил Московский областной педагогический институт, где и защитил диссертацию

по фронтовой поэзии. Так что к Брокгаузу заглядывать пришлось. И уж, конечно, не станем обижаться на сетования автора «Новой газеты», что невежде Полякову доверена роль «предводителя главного литературного органа страны». Всё это уже было, и не раз.

Именно о печальной участи «ЛГ» шумно горевала Н. Д. Солженицына, когда я упомянул общеизвестный факт, что автор «Ивана Денисовича», обитая в США, всячески настраивал руководство этой державы против СССР – советской версии Российского государства. Кстати, речь велась о санкциях вроде нынешних. И надо мной грянул гром! «Российская газета», страдающая, как курсистка замужем за охотнорядцем, впала в истерику и проработала меня в лучших традициях борьбы с инакомыслием. Сладкоголосая птица комплиментарного литературоведения Сараскина вдруг посуровела и объявила, что моего имени не будет даже в мелких сносках к истории отечественной словесности. Трепетный актёр Миронов, оторвавшись от театрально-хозяйственной суеты, вызвал меня на дуэль, но секундантов не прислал. Закрутился. Странное, ей-богу, возбуждение граждан! Ведь даже в книжке В. Войновича «Портрет на фоне мифа» эти факты биографии великого гулагописца обозначены весьма подробно. Но на Войновича почему-то не обижаются, а на меня разгневались.

Доставалось мне и прежде – например, когда я лет десять назад в эфире напомнил про то, как будущий нобелевский лауреат И. Бродский планировал с приятелем угнать самолёт из Самарканда в Иран, с чем, наверное, и связан столь ранний интерес КГБ к ещё безвестному поэту. О, что тут началось! Как меня только не называли! Но выяснилось потом, что этот эпизод подробно описан в книге Соломона Волкова, – и все как-то сразу успокоились, стали даже хвалить Бродского за вызов тоталитаризму, хотя в толерантной Америке он получил бы за одно угонное намерение приличный срок. Но эти дела давно минувших дней я вспомнил не из тщеславия, а чтобы обратить внимание читателей на странную закономерность: меня клеймят за то, что другим прощают или чего вообще не замечают. М-да, хорошо быть Войновичем, а ещё лучше – Соломоном Волковым!

Повторю, что занятый подготовкой к печати моего нового романа «Любовь в эпоху перемен», я поначалу не хотел отвлекаться на полемику с кипучим шаламоведом. Но мой обвинитель помянул всуе Иванушку Бездомного – героя почитаемого мной Булгакова, поэтому без разоблачения очередного члена акустической комиссии не обойтись.

Итак, гражданин Есипов, «давайте по документам»! Вы будете смеяться, но связи молодого Шаламова с троцкистами общеизвестны. Вот что пишет исследовательница И. Сиротинская: «В ряды „большевиков-ленинцев“ (так называли себя оппозиционеры)… он вступил в 1927 году: его привела и поставила в ряды демонстрантов Сарра Гезенцвей. Демонстрация к 10-летию Октября проходила под лозунгом „Долой Сталина!“» (В. Шаламов. «Новая книга. Воспоминания, записные книжки, переписка, следственные дела», ЭКСМО, 2004, с. 946). Ей вторит автор биографии писателя, вышедшей в популярной серии «Жизнь замечательных людей»: «Не случайно, что молодой Шаламов пришёл на демонстрацию под лозунгами „большевиков-ленинцев“, как не удивительно и то, что он позже участвовал в подпольном печатании „Завещания Ленина“». («Варлам Шаламов». Молодая гвардия, ЖЗЛ, 2012, с. 86).

Добавлю от себя: с помощью этого завещания (есть версия, что поддельного) оппозиционеры хотели выбить из политической жизни Сталина. Не получилось. Выбивать начали их. Такова жестокая логика борьбы, а юный Шаламов в ней активно участвовал, причём на стороне «левых», жаждавших продолжения «революционного банкета». Вот что заявил 22-летний «оппозиционер-ленинец» на допросе в 1929 году: «Я считаю, что руководство ВКП(б) сползает вправо, тем самым способствует усилению капиталистических элементов в городе и деревне и тем самым служит делу реставрации капитализма в СССР». («Новая книга», с. 949). Думаю, встретив в те годы какого-нибудь Чубайса, «левый» Варлам как минимум плюнул бы главному приватизатору в лицо за реставрацию капитализма. Молодой был, горячий. И получил «трёшку» лагерей.

За год до ареста юношу выгнали из Московского университета. «Исключение состоялось 13 февраля 1928 года, и хотя основной формулировкой значилось «за сокрытие социального происхождения», очевидно, что за этим стоял весь веер копившегося на него компромата, в том числе политического. Надо полагать, Варлам воспринял исключение без больших переживаний – перспектива служить закону, который обслуживает интересы Сталина, и идти стезёй Вышинского его вряд ли устраивала» (ЖЗЛ, с. 89). Ну конечно, двумя годами раньше, поступая на отделение советского права, он рассчитывал, видимо, обслуживать интересы беспартийной Фемиды и шагать дорогой председателя Верховного трибунала республики товарища Крыленко. Кстати, дети «лишенцев»: дворян, купцов, буржуев, попов – и без «веера» даже мечтать не могли о высшей школе до 30-х годов. Исключения делались редко и в особых случаях. Будущий писатель не оценил странной небдительности советской власти.

Чем ещё не нравился сталинский курс недавнему студенту университета, а теперь заключённому четвёртой роты управления Вишерских лагерей особого назначения Шаламову? Вот строки из его жалобы в Коллегию ОГПУ ЦК ВКП(б): «Решения XVI конференции, чистка партии, чистка аппарата, борьба с правым уклоном… представляют собой несомненно серьёзные шаги руководства влево… в направлении исправления сделанных ошибок… внутренней и внешней политики, приведших к перманентному экономическому кризису страны, затяжке мировой революции и ухудшению международного положения Коминтерна…» Заметьте, в стране голод, разлад, индустриализация даёт сбои, «тянет порохом со всех границ», а юношу беспокоят мировая революция и авторитет Коминтерна. Впрочем, обычное тогда дело: Есенин тоже одно время был «за знамя вольности и светлого труда готов идти хоть до Ла-Манша». А может, шутил. Кстати, в этом шаламовском письме кроме просьбы о возвращении «ленинской оппозиции в партию» есть и несколько ссылок на труды Троцкого, упрёки за его изгнание из страны («Новая книга», с. 953–955).

Неясно, помогла жалоба или посодействовали соратники, оставшиеся на воле, но в 31-м Шаламова освободили досрочно, потом, правда, передумали, объявили в розыск, искали, не нашли, хотя он жил в Москве, сотрудничал в журналах, женился на Гале – дочке крупного деятеля Наркомпроса Гудзя, соратника Крупской, тоже не любившей Сталина. Гудзь подвизался политредактором учебников, а в прошлом являлся видным меньшевиком, вовремя «побольшевевшим», если воспользоваться выражением поэта, сгинувшего в ГУЛАГе. Сын Гудзя – Борис, как замечает автор ЖЗЛ, был человеком с «большой чекистской биографией». Жили дружно в пятикомнатной квартире на Пречистенке. Шаламов «был вынужден написать заявление в НКВД с официальным отречением от троцкизма. Родственники, и прежде всего шурин с ромбами полкового комиссара, считали, что только это спасёт всю семью от серьёзных неприятностей» (ЖЗЛ, с. 120–125). Станет человек, чуждый оппозиции, от неё отрекаться? Я бы не рискнул, а то ведь, наоборот, не так подумают и придут. Впрочем, Шаламов активен, сотрудничает в журналах «За овладение техникой» и «За пром. кадры», сочиняет, ищет себя, судится за невыплаченные гонорары, снова сходится с прежними соратниками по оппозиции. И его находят в 37-м.

Вот строки из следственного дела 1937 года.

«Вопрос. Что заставило вас встать на путь контрреволюционной троцкистской деятельности?

Ответ. Я был хорошо знаком с Сегал и Гезенцвей, любил их как людей и после их исключения из комсомола не порвал с ними отношений. Эта личная связь постепенно привела к тому, что Гезенцвей использовала меня как передатчика контрреволюционных троцкистских „документов“. Само содержание тех документов, с которыми я был знаком, и пропаганда Гезенцвей привели к тому, что я в то время стал считать, что троцкисты – революционеры, что именно они занимают правильную позицию…» («Новая книга», с. 962).

Донос на соратницу? Нет, скорее чистосердечное признание. Под пыткой? Вряд ли, ведь на большинство вопросов он отвечал отрицательно или уклончиво: не участвовал, не состоял. И начинающему литератору за грехи молодости дают пять лет, отправляют на Колыму. Жизнь сломана. За что? По нынешним понятиям, без вины. Хотелось всего-навсего мировой революции, к которой звал великий Ленин и которой пренебрёг кремлёвский горец Сталин. Правда, неизвестно ещё, что стало бы со страной, победи тогда «перманентники». Но это, как говорится, вопрос исторической веры. С другой стороны, вообразите на минуту, что поповича Шаламова взяли не за троцкизм, а за монархизм или, о ужас, за черносотенство. Шлёпнули бы не задумываясь. Вспомните судьбу расстрелянного за «русское направление» поэта Алексея Ганина, знаменитого в ту пору, в отличие от Варлама! Не забудьте и про дело русских историков! А чем, собственно, с сегодняшней точки зрения монархист хуже троцкиста? По-моему, даже лучше. Но тогда была тогдашняя точка зрения, чего историки «есиповской школы» понять не хотят или не могут.

Теперь, кстати, на старых московских домах можно увидеть таблички в память о тех жильцах, что ушли и не вернулись домой в 1937–1952 годах. Нужный почин? Очень! А как же быть с теми, кто ушёл и не вернулся в 1918–1936? Как быть с теми, в чью квартиру на Пречистенке въехал заслуженный Гудзь с чадами и домочадцами? Эти не в счёт? Почему? Помните, у Булгакова в «Зойкиной квартире» видного партийца, набитого червонцами и зарезанного китайцем, зовут Гусь? Совпадение? Возможно, и нет: Булгаков принимал участие в конкурсе Наркомпроса на лучший школьный учебник истории, написал свою версию, которая канула в Лету, попав, быть может, на рецензию политредактору Гудзю, тестю Шаламова. Дарю эту версию специалистам.

Я искренне жалею тех, кто испытал на себе суровость эпохи перемен, не зря же Павел Нилин назвал свою повесть о тех временах «Жестокость», а Олег Волков свои воспоминания – «Погружение во тьму». О замечательной книге Олега Васильевича сегодня почти не вспоминают, хотя по своим достоинствам она не уступает ни Шаламову, ни Солженицыну, к тому же служит живым источником для молодого поколения гулагописцев. Как «социально чуждый элемент», Волков с 28-го по 53-й год арестовывался пять раз: сажали и выпускали, сажали и выпускали – в ссылку. Но кто же станет нынче кручиниться о судьбе какого-то дворянского отпрыска, никогда не увлекавшегося ни Троцким, ни даже Лениным? Другое дело – дети революции, ею же и пожранные. А ведь прежде чем стать жертвами, мальчики-девочки, вдохновлённые мировым пожаром и классовым чутьём, в 20-е без сомнения ставили к стенке людей лишь за то, что они дворяне, купцы или священники.

Кстати, и судьба отца Тихона Шаламова, который в трудную минуту разрубил и сдал в Торгсин свой золотой крест, могла сложиться куда печальнее. Но священник примкнул к митрополиту-бунтарю А. Введенскому, чьи лозунги «были близки идеям военного коммунизма, лелеяли слух власти, но никак не соответствовали интересам большинства духовенства, которое давно привыкло различать «богово» и «кесарево» (ЖЗЛ, с. 70). Как я понял, те, кому «богово», пошли в обновленцы, а те, кому «кесарево», – на Бутовский полигон. Или не так? Пусть адекватность этого пассажа оценивают православные специалисты, а я лишь отмечу преемственность: отец примкнул к обновленцам, сын – к троцкистам. Конечно, в поисках правды. Нет, я никого не осуждаю, каждый в то запутанное время мучительно искал свой путь. Революция – это пожар, в котором страдают и невинные, и те, кто баловался спичками. А Шаламов по молодости играл с огнём. Отрицать эту часть биографии писателя так же нелепо, как, скажем, факт участия Достоевского в революционном кружке, за что его едва не казнили. Да, потом он стал консерватором, даже был вхож в императорскую семью, но из жизни сделанного не выкинешь.

А как же в таком случае понимать реабилитацию, состоявшуюся в 2000 году, когда «был смыт навет о троцкизме»? Прежде надо условиться о понятиях. «Навет» – это, когда

тебя обвиняют в изнасиловании, а ты импотент. Тут же речь совсем о другом – о переоценке той или иной политической деятельности в исторической перспективе. Давайте вникнем вместе с коллегой Есиповым в текст заключения Генеральной прокуратуры, на основании которого была выдана справка о реабилитации: Читаем по слогам: «…Тот факт, что он разделял взгляды оппозиции, не является уголовно наказуемым деянием. При таких обстоятельствах можно сделать вывод, что Шаламов подвергся репрессии необоснованно, по политическим мотивам…» («Новая книга», с. 959). Конечно, по политическим. По каким же ещё? Он же не бухгалтер и не нэпман. Жестоко? Ещё бы: пять лет ГУЛАГа. А знаменитого журналиста Михаила Кольцова за неосторожный контакт с троцкистами просто расстреляли. Такое время. Впрочем, за политику и в более мягкие времена даже парламент из танков расстреливали. Кстати, заключение Генпрокуратуры как раз и подтверждает, что к оппозиции Шаламов отношение имел. Значит, всё-таки не навет. Просто принадлежность к троцкизму в 2000 году уже не считалась преступлением, как и валютные спекуляции, а ведь ещё при Хрущёве валютчикам «вышку» давали!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.